

ПЛИСКИНА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

ЗА КУЛИСАМИ ХАБАРОВСКОГО ПРОЦЕССА 1949 ГОДА (неизвестные страницы из истории подготовки и проведения Хабаровского процесса)

В данной статье на основе архивных материалов делается попытка раскрыть малоизвестные подробности организации Хабаровского процесса 1949 года. Особое внимание уделено стадии подготовки.

Ключевые слова: Токийский трибунал, подготовка Хабаровского процесса, бактериологическое оружие, отряд 731, Константинов В. М., репатриация.

Keywords: Tokyo Trial, preparation of the Khabarovsk war crimes trials, biological weapon, Unit 731, Konstantinov V. M., repatriation.

Дальневосточники хорошо знают звериное лицо японского милитаризма, помнят разрушенные интервентами города и сёла, сожжённого живым в паровозной топке Сергея Лазо, не забыты Хасан и Халхин-Гол, тревожные ночи на границе, бесчисленные японские диверсии...

Но преступление, которое разбирал Хабаровский трибунал с 25 по 30 декабря 1949 года, по своей чудовищности превосходит всё ранее сделанное [20, с. 4].

Хабаровский процесс 1949 года над японскими разработчиками бактериологического оружия стал последним открытым судом над иностранными военными преступниками, которые испытывали его на советских и китайских гражданах [1, с. 100].

Хотя суд считался открытым, иностранные журналисты на нём не присутствовали. Материалы, касающиеся как подготовки, так и проведения судебного процесса, оказались разрознены и осели в различных архивах тогдашних силовых органов. Таким образом, широкому кругу исследователей они стали недоступны.

В последнее время некоторые архивы приоткрыли свои фонды, но материалы, содержащиеся в них, ещё предстоит исследовать и изучить. Особенно это касается стадии организации и подготовки процесса. Трудность для исследователей заключается ещё и в том, что материалы раскиданы по архивам различных ведомств.

Несмотря на то что о Хабаровском процессе написано уже немало, вопросов по нему возникает достаточно много. Особый интерес вызывает то, что именно явилось отправной точкой для начала расследования. Ведь, как известно, ни один японский военнослужащий, причастный к разработке бактериологического оружия, не пришёл с явкой с повинной. Какие материалы легли в основу доказательств? Как проходило следствие по делу? С какими трудностями сталкивались следователи? Как вели себя подсудимые? И, наконец, почему подсудимые Хабаровского процесса не были преданы суду на Токийском трибунале? И многие другие вопросы, на ряд которых я попытаюсь ответить в этой статье.

Особенностью данного процесса было то, что на скамье подсудимых находились бывшие военнослужащие японской Квантунской армии, граждане собственно Японии, родным языком для которых был японский. В тот период в СССР наблюдался дефицит переводчиков-японистов, в совершенстве знающих японский язык. Особенно это коснулось тех, кто в силу особенностей своей профессии бывал или когда-то работал в Стране восходящего солнца. Многие из них в то время были осуждены как японские шпионы и отбывали наказание в лагерях. Поэтому, чтобы восполнить недостаток переводчиков, в совершенстве

знающих японский язык, было принято решение пригласить в Советский Союз молодых людей из семей русских эмигрантов, выпускников Северо-Маньчжурского университета (СМУ, г. Харбин) и Государственного университета Кенкоку Дайгаку (г. Синьцзинь). Большинство из приглашённых в качестве переводчиков были высокообразованными молодыми людьми. Многие из них владели несколькими иностранными языками. Первоначально их предполагалось использовать для работы в качестве переводчиков в лагерях для японских военнопленных. В дальнейшем часть из них приняла участие на Токийском и Хабаровском судебных процессах [19, с. 332–351].

Дав подписку о неразглашении, они всю жизнь молчали о том, что переводили документы японских спецслужб, принимали участие в подготовке к Токийскому и Хабаровскому процессам, присутствовали на допросах и очных ставках высокопоставленных японских военных, обвиняемых в совершении преступлений против человечества.

В последнее время появилось много художественных публикаций, в которых рассказывается о том, что наши разведчики работали едва ли ни в штате отряда 731 и им были известны зловещие планы Сиро Исии и его подручных [8, с. 4]. Здесь уместно задать вопрос: знала ли советская разведка о существовании и деятельности в г. Харбине бактериологического отряда № 731 и его филиалов? Откуда у Советского Союза появились все основания заявлять о том, что в 1935–1936 годах по указу императора Хирохито на территории Маньчжурии были развёрнуты два совершенно секретных формирования, предназначенные для подготовки и ведения бактериологической войны? В целях конспирации одному из этих учреждений, организованному на базе лаборатории Исии, было присвоено название «Управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии», другому — «Иппозепизоотическое управление Квантунской армии» во главе с генерал-майором ветеринарной службы Вакамацу Юудзиро. В 1941 году, после нападения гитлеровской Германии на СССР, эти учреждения были зашифрованы соответственно как отряд № 731 и отряд № 100 [14, с. 8].

В открытых источниках подтверждений того, что советская разведка располагала сведениями о существовании этих отрядов, нет. Между тем авторы некоторых научных публикаций в своих работах указывают на то, что разведке было известно о существовании отряда № 731. При этом они не ссылаются ни на один официальный документ, ни на архивные источники. Не берусь судить о том, насколько осведомлена или не осведомлена была советская разведка о строго засекреченных лабораториях по производству бактериологического оружия на территории Маньчжурии, но давайте обратимся к фактам, которые говорят сами за

себя более красноречиво, чем слова без доказательств. Свои аргументы я излагаю ниже.

Отряд № 731 вёл научно-исследовательские работы, связанные с вопросами ведения бактериологической войны. Это были совершенно секретные функции [9, с. 75]. Специально подобранные кадры обязывались под страхом смерти сохранять тайну до конца своих дней [36, с. 131].

О зашифровке деятельности этих формирований свидетельствуют показания на процессе бывшего командующего Квантунской армии Ямада Отодзо: «...731-й отряд официально именовался “Управлением профилактики и водоснабжения Квантунской армии”, что являлось известным прикрытием действительного назначения отряда. С этой же целью работники отряда носили общевойсковую форму без знаков различия медицинской службы. Мы опасались, что большое скопление медицинских работников может вызвать нежелательные подозрения относительно действительного характера 731-го отряда» [Цит. по: 3, с. 5].

Отряд тщательно охранялся, и доступ в него был только с разрешения командующего Квантунской армией [9, с. 75].

В своей документальной книге «Кухня дьявола», которую перевёл на русский язык участник Токийского и Хабаровского процессов, харбинский переводчик С. В. Неверов, японский исследователь Мацимура упоминает следующий эпизод: однажды, оказавшись в Харбине, член японской императорской фамилии неожиданно приехал в отряд. Начальник отряда Исии, ссылаясь на инструкцию, согласно которой никто не мог пройти на территорию отряда без разрешения командующего Квантунской армией, заставил высочайшую особу ждать у ворот [15, с. 53–54].

Из допроса свидетеля японского военнопленного санитара Кихара Мучитаро из филиала № 643 (г. Хэйлин) отряда № 731 видно, что зашифрована была и деятельность филиалов. Он рассказал, что при ловле и сборе мышей у населения они (работники отряда) вместо военного обмундирования надевали гражданскую форму — синие брюки и рубашку. «Переодевали нас с той целью, чтобы население не знало, что наш филиал занимался сбором мышей. Мы были предупреждены по распоряжению начальника филиала майора Оноу Масао о том, чтобы не расшифровывать себя и чтобы мы именовались представителями городского управления» [32, л. 78].

Теперь обратимся к воспоминаниям О. Л. Козловской, непосредственному участнику процесса, паразитологу Хабаровской противочумной станции, члену комиссии экспертов по медицинским и бактериологическим вопросам на Хабаровском процессе по делу бывших военнослужащих японской Квантунской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. В предисловии к книге Н. Иванова и В. Богач «Оружие вне закона» она

пишет: «Знали ли мы в годы войны (а я в 1944–45 годах уже работала в противочумной системе Благовещенска) о том, что вблизи наших границ развёрнуты секретные формирования японской армии, готовящиеся начать бактериологическую войну против Советского Союза?» Далее она пишет: «Что же касается нас, рядовых работников системы санитарной охраны наших границ, то мы располагали некоторой информацией о том, что на граничащих с нами территориях эпидемиологическая обстановка весьма и весьма напряжённая. Но никому и в голову не могло прийти, что эпидемии особо опасных инфекционных заболеваний могут быть вызваны искусственно, людьми, носящими высокое звание врача!» [8, с. 4].

С июля 1940 по октябрь 1945 года на Дальнем Востоке существовал Дальневосточный фронт, войска которого находились в состоянии повышенной боевой готовности [10, с. 371], и, думается, что если бы советская разведка знала о бактериологических отрядах, то кто, как не работники системы санитарной охраны наших границ, должен быть оповещён о возможном применении противником бактериологического оружия в первую очередь?

Однако история зафиксировала точную дату, когда сведения об отряде № 731 и отряде № 100 попали в руки военной контрразведки «Смерш». Произошло это при следующих обстоятельствах. В 1945 году, параллельно с объявлением войны Японии, перед Управлением НКВД по Хабаровскому краю поставили непростую задачу: парализовать работу японских агентов и захватить их оперативные архивы. Идея провести такую операцию возникла ещё в 1944 году, когда пришёл очередной доклад об антисоветских действиях белоэмигрантских организаций в Маньчжурии. Тогда Сергей Гоглидзе, начальник УНКВД по Хабаровскому краю, дал команду во что бы то ни стало добыть архивы БРЭМ (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи) с территории Харбина. Название операции дали простое и ясное — «Родина». Для этого дела было сформировано десять специальных оперативных групп, в том числе одна парашютно-десантная, которые и осуществляли захват архивов [23, с. 11].

К августу 1945 года советское командование уже имело достаточно опыта вывоза архивных материалов с территории Западной Европы. Порядок их размещения и обработки в Северной Маньчжурии не стал исключением, всё шло по отработанной схеме [4, с. 20].

В справке о выброске в г. Харбин и г. Гирин спецгрупп для захвата руководителей и архивов японских военных миссий сообщалось: «Начальнику УКР “СМЕРШ” 1-го Дальневосточного фронта генерал-майору т. Д. И. Мельникову на имя тов. В. С. Абакумова и тов. И. Я. Бабич:

18 августа 1945 года в 11 часов командование выбрасывает в г. Харбин и в г. Гирин на самолётах группы

командования и бойцов для приёма от японцев штабов и выяснения положения. Группам поставлена задача захватить ЯВМ¹ и БРЭМ и с подходом войск арестовать руководителей БРЭМ» [18, с. 183].

В докладной записке от 26 сентября 1945 года ГУКР «Смерш» в НКВД СССР на имя тов. Л. П. Берия говорилось: «По сообщению находящегося на Дальнем Востоке зам. нач. Главного Управления «СМЕРШ» генерал-лейтенанта Бабич органами на территории Маньчжурии, занятой нашими войсками, по состоянию на 25 сентября сего года арестовано 5498 сотрудников и агентов японской разведки. В числе арестованных за последнее время наибольший интерес представляют: начальник особой части главного японского полицейского управления в Маньчжурии Тамакацу Сейзи, 1905 г. р., японец с высш. образованием, и начальник отдела этого полицейского управления Иноу Эсуэди, 1903 г. р., японец, которые вели разведку против Советского Союза» [24, с. 139].

Как следует из содержания этих докладных записок, отряды № 731 и № 100, а также служащие этих отрядов и лица, причастные к разработке бактериологического оружия, на тот период для органов нашей разведки интереса не представляли. Хотя, судя по датам докладных записок, будущие подсудимые на Хабаровском процессе — Ямада Отодзо, Кадзицука Рудзи, Такахаси Такаацу и другие, уже как три недели находились на территории Советского Союза.

В результате успешно осуществлённых мероприятий были арестованы многие сотрудники разведки и контрразведки Японии, главари антисоветских белоэмигрантских организаций, военные преступники, захвачены оперативная переписка и архивы японских разведывательных и контрразведывательных органов (разведуправления штаба Квантунской армии, японских военных миссий, жандармерии и полиции), материалы третьего (контрразведывательного) отдела «Бюро по делам российских эмигрантов» [2, с. 111].

Впоследствии при тщательном разборе этих материалов были выявлены документальные доказательства, уличающие командование Квантунской армии, жандармерии и ряд других японских военных и административных органов в организации подготовки бактериологической войны и диверсии против СССР.

О последних днях существования отряда № 731 и обстоятельствах, при которых документы отряда № 731 попали в руки советской стороны, в своих свидетельских показаниях рассказывает поручик технической базы 1-й полевой авиаремонтной базы в Харбине (пригород Хейбо) Мото Тосибоку (1921 г. р., уроженец острова Формоза, из чинов с высшим образованием): «Утром 9 августа, когда

стало известно о военных действиях, с аэродрома отряда № 731 вылетели 2 самолёта. Один полетел в Токио, другой в Чаньчунь. 11 августа оба самолёта вернулись. Днём 11 августа я, согласно очередности, заступил на дежурство по части. В 6 часов вечера по телефону я получил сообщение из отряда № 731, что отряд свои помещения будет взрывать и просит не беспокоиться за соседей. После телефонного сообщения начались взрывы в расположении отряда. Взрывы с небольшими перерывами продолжались до 24 часов 13 августа. В период с 11 по 13 августа отряд 731 направил три железнодорожных эшелона с личным составом и их семьями в направлении корейской границы. Третий эшелон был отправлен с тупика вокзала Хейбо в 2 часа 14 августа. Утром 14 августа место ближайшего расположения отряда № 731 стало обстреливаться беглым огнём одной из японских частей тяжёлой артиллерией, отступающей с Цицикарского направления. Артиллерийский обстрел продолжался до вечера с самого начала подрывов, в расположении отряда возник пожар, который не прекращался до 15 августа. Вечером 13 августа в расположение 12-й авиаремонтной базы прибыли более 70 человек старших офицеров отряда № 731, во главе с генералом Исии, среди них был и лётный состав. На аэродроме 12-й авиаремонтной базы днём были установлены 7 бомбардировщиков типа 97, принадлежащих отряду Исии. Прибывшие офицеры расположились на ночь. Вечером мы совместно с прибывшим лётным составом устроили ужин с вином. Утром 14 августа все гости из отряда Исии, вместе с Исии, улетели на самолётах на остров Кюсю, аэродром Ганнос. Вместе с последним эшеленом отряда Исии уехало много семей офицеров 1-й авиаремонтной базы, и через несколько дней, когда мы все выбыли из Харбина, нам встретилось несколько человек, уезжающих последним эшеленом. От них я узнал, что последний эшелон отряда № 731 не успел пробиться в Корею, застрял в пробке и настигнут советскими войсками. Но два первых эшелона успели уехать в Корею» [27, с. 161–169].

Казалось бы, незаметный эпизод в период капитуляции японских войск, но какие огромные последствия он имел. Целый вагон секретных документов японских спецслужб попадает в руки советской разведки [12, с. 219]. Эти документы были успешно использованы в процессе следствия и суда по делу японских преступников [2, с. 113].

Но всё это будет в будущем. На момент захвата документов ещё не имелось возможности оценить всю их важность для будущего процесса. Кроме того, что все они были исполнены на японском языке, они были ещё и зашифрованы. Поэтому просто перевести их на русский язык было недостаточно. О степени зашифровки документов говорит допрос японского военнопленного Фуруичи Ёсио (1924 г. р.) от 3 декабря 1949 года: «Перед упаковкой ящиков

¹ Японская военная миссия.

с бутылками с названиями бактерий применяли условные обозначения: Р, С, Т, РА. Что означало: Р — бактерии чумы, С — бактерии холеры, Т — бактерии тифа, РА — бактерии паратифа» [29, л. 44].

Для осмысления содержания трофейных документов требовалась тщательная, кропотливая аналитическая работа. В это время в одном из лагерей, который располагался в районе нынешней школы № 19 г. Хабаровска, с 1942 года находился в заключении учёный-японист Владимир Михайлович Константинов. Имя этого человека так незаслуженно забыто и не упоминается в работах, посвящённых подготовке и проведению Хабаровского процесса, но он так много сделал для того, чтобы в руках у следствия появились доказательства преступлений японской военщины, что стоит рассказать о нём более подробно.

Шесть лет (с 1927 по 1933 г.) Константинов провёл в Японии в качестве драгомана (переводчика) советского военного атташе. За это время он становится крупным и перспективным японоведом. Его направляют учиться в Военную академию имени М. В. Фрунзе, где он одновременно преподаёт китайскую иероглифику.

В 1935 году в Москве был издан курс японского языка в трёх циклах. В группе авторов значится М. Аирский. Это засекреченное имя В. М. Константинова. В те времена многое, что имело отношение к Японии, засекречивалось. Кстати, псевдоним Константинова был составлен из первых букв имён его родных: дочери Марина, жены Анна и дочери Ирина — М. Аирский.

В 1939 году, перед дипломной защитой в академии, Константинов будет арестован по ложному обвинению в японском шпионаже и приговорён к расстрелу.

В конце 1940 года высшим инстанциям понадобился вдруг хороший специалист для перевода важного японского документа на русский язык. Никто прочитать его не смог, так как он был исполнен полной скорописью (стенографическое написание китайских иероглифов). Вспомнили Константинова, который всё ещё содержался в «Бутырке»: смертнику положен был тогда двухмесячный срок до приведения приговора в исполнение. Срок пребывания Константинова в живых стремительно и неумолимо сокращался. Вот тогда-то и принесли к нему в камеру японские бумаги. Он перевёл документ. Тот оказался весьма ценным: в нём говорилось о вероятных сроках нападения фашистской Германии на СССР.

Расстрел Константинову был заменён двадцатью годами лишения свободы. Он был этапирован в Читу, а затем в Хабаровск по ходатайству Управления Народного комиссариата государственной безопасности (УНКГБ) по Хабаровскому краю. В Хабаровске он содержался в лагере заключённых как «авиаконструктор», использовался, однако, разведотделом

УНКГБ по его прямой специальности. На него возлагались тогда большие надежды, и он их оправдал.

Владимир Михайлович работал в буквальном смысле без сна и отдыха над попавшими в руки советской разведки совершенно секретными документами японских спецорганов в Маньчжурии в августе 1945 года [13, с. 219]. Одновременно с Константиновым переводом этих документов занималось ещё сто японистов [12, с. 139], прибывших в Советский Союз из Харбина [19, с. 332–351].

По воспоминаниям дочерей харбинских переводчиков А. Г. Пермяковой и Л. Ю. Фёдоровой (Кондрашевой), после работы на спецобъекте № 45 и в лагере № 16 все переводчики вечерами работали с японскими документами. Контролировал работу переводчиков Константинов — через курьера, все переводчики знали его только заочно [13, с. 221].

Он часами проводил в раздумье, обобщая опыт военного и эксперта. Зачастую в документах объект носил название определённого цветка [34, с. 13]. Часто повторялись слова «токуи-ацукай» (особые отправки) и «маруто» (брёвна). Каков же смысл этого последнего термина, где искать его аналог? Помог образ военного. «Маруто» — это военнопленные из различных стран мира, которых привозили на станцию Тинфань (Пинфань), близ Харбина, в качестве «человеческого материала», «для медицинских опытов» [34, с. 134]. Но сам Константинов никогда не говорил о своём открытии, о расшифровке термина «брёвна». Этот факт был обнародован лишь спустя много лет, после смерти учёного [35, с. 45].

В документах ЯВМ, над расшифровкой которых под руководством Константинова работали переводчики японского языка, содержались материалы о чудовищных преступлениях японской военщины в Маньчжурии, готовившей бактериологическую войну против СССР.

В тайных лабораториях под Харбином японские бактериологи проверяли действия чумы, холеры, сибирской язвы, испытывали другие страшные средства будущей войны. В качестве «подопытных кроликов» использовались «неучтённые» китайцы. После лабораторий бактериологические средства проверялись в местах и условиях, приравненных к фронтовым [13, с. 221].

Полученные в результате тщательного просмотра и кропотливой аналитической работы материалы и послужили основой подготовки и проведения Хабаровского процесса [34, с. 15].

В. М. Константинов принял участие в судебных заседаниях на Хабаровском процессе. Он надевал костюм, завязывал галстук, потом приезжал автомобиль и увозил его. Глядя на этого представительного, внушающего почтение мужчину, трудно было поверить, что перед нами заключённый. Работа на процессе осложнялась тем, что Владимира Михайловича как переводчика привозили на допрос инкогнито [12, с. 138].

Заседания в зале суда были многочасовые, трудоёмкие. Константинов делал переводы с русского на японский, с японского на русский язык, снова с русского на японский и, наконец, с японского на русский. Такой сложный многоступенчатый перевод объяснялся сложностью самого процесса и состава участников заседания [12, с. 138].

Но вернёмся к событиям, последовавшим после капитуляции японской армии. В октябре 1945 года из Москвы поступило указание приступить к следствию по поводу нарушений командованием Квантунской армии Женевской и Гаагской конференций «О правилах и способах ведения войны» с целью использования изобличающих японскую военщину материалов в Международном трибунале над главными японскими военными преступниками [17, с. 4]. Тогда предполагалось осудить военных преступников на Международном военном трибунале в Токио, и вопрос о подготовке в Хабаровске процесса над японскими военнослужащими на повестке дня не стоял.

Началась работа следственной группы: допросы подозреваемых и свидетелей, изучение документации, проведение очных ставок и т. д. В Хабаровском крае проводилась активная оперативно-следственная работа. Группу возглавил начальник УМВД по Хабаровскому краю генерал-лейтенант И. И. Долгих, его заместителем стал полковник П. П. Соколов [19, с. 336].

После капитуляции японской Квантунской армии, 6 сентября 1945 года, в Хабаровск было доставлено её командование, которое разместили на даче под Хабаровском, в лагере «Воронеж», под непосредственным наблюдением «Смерш» [6, с. 357–358]. В Главном управлении «Смерш» работой среди военнопленных, представляющих интерес для контрразведки, занимался 2-й отдел. В нём служили оперативники со знанием иностранных языков, знакомые с фильтрационной работой [15, с. 72]. Однако никакой фильтрации по признаку принадлежности к разработке бактериологического оружия среди поступающих японских военнопленных в СССР произведено не было. Все они были разбросаны по различным лагерям.

На даче был допрошен начальник 2-го разведотдела штаба Квантунской армии полковник Асада. Он дал показания о структуре и функциях 3-го отдела, а также о намеченных планах партизанской войны в тылу Красной армии [6, с. 356].

В сентябре 1945 года собственноручные показания дал командующий Квантунской армией полный генерал Ямада Отодзо и начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата Хикосабуро [6, с. 317]. В показаниях содержались сведения о целях операций против Советского Союза, о планах на 1941–1945 годы, об армии Маньчжоу-Го, организации Генштаба японской армии [6, с. 317]. Следует

заметить, что вопросы об организации и структуре отряда № 731, занимавшегося изысканием бактериологических средств и способов их применения против СССР, Ямаде Отодзо и Хате Хикосабуро в то время не задавались.

На начальном этапе необходимо было также определить состав свидетелей, который мог быть направлен на процесс. Это был серьёзный и сложный вопрос. В целях его решения народный комиссар внутренних дел СССР поставил в январе 1946 года перед начальником УНКВД по Хабаровскому краю следующую задачу: учитывая, что на территории края содержались все военнопленные японские генералы и большое количество других военнопленных, а также интернированных, создать из оперативных работников оперативную группу [6, с. 340].

Группе была поставлена задача выявить из среды военнопленных японских генералов, старших офицеров и дипломатических работников таких лиц, которые имели отношение к политической, военной, экономической и разведывательной подготовке агрессии против Советского Союза. Развернуть с такими военнопленными и интернированными агентурно-следственную работу с целью получения от них заявлений, собственноручных показаний и протоколов допроса, разоблачающих японское правительство, генеральный штаб, министерства по военным, морским и иностранным делам в подготовке агрессивной войны против СССР. Обратить особое внимание на получение документов о подготовке японцами плацдарма против СССР в Маньчжурии, а также о провокациях на границах Советского Союза и МНР. Опять же, следует обратить внимание на то, что в перечисленных задачах вопрос о деятельности отряда № 731 и выявлении лиц, причастных к разработке бактериологического оружия, не стоял.

Одновременно с этим в Хабаровск как пункт содержания основной массы японских военнопленных и всех генералов были направлены оперативная группа НКВД СССР и бригада работников военной прокуратуры [6, с. 340]. Летом в Хабаровск из Москвы прибыла следственная группа в составе полковников И. И. Тупикова, М. М. Кудрявцева и И. И. Клыкова. В группу вошли опытные местные оперативники: полковник М. А. Сорокин, подполковник Деревянко, майоры А. Ф. Виноградов, П. К. Язев, капитаны П. В. Никитин, Козловский, Пастух, Л. Дворецкий [19, с. 336].

Оперативно-следственная группа за сравнительно короткий период сумела собрать достаточно серьёзные материалы о злодеяниях японской военщины на Дальнем Востоке начиная с 1920 года, то есть ещё в период захвата японскими агрессорами части территории на Дальнем Востоке [17, с. 19].

8 октября 1946 года в Токио началась советская фаза обвинения, но вопрос о деятельности противоземлемиче-

ского отряда № 731, занимавшегося изысканием бактериологических средств и способов их применения в войне против Советского Союза, в повестку дня Международного военного трибунала не входил, вопрос этот не обсуждался, и документы в советской фазе обвинения не были представлены [17, с. 21].

Таким образом, имеющиеся в распоряжении немногие российские источники позволяют сделать вывод, что к лету 1946 года, несмотря на наличие в советских лагерях сотен тысяч японских военнопленных, убедительной информации о деятельности Японии по созданию бактериологического оружия у советской стороны не было [21, с. 207].

Как представляется, активный поиск среди них лиц, причастных к этим разработкам, начинается после того, как по просьбе американцев 6 июля 1946 года главный обвинитель от СССР на Международном военном трибунале С. А. Голунский направил в советский МИД телеграмму с просьбой произвести допрос Кадзицуки Рюдзи, бывшего начальника санитарного отдела Квантунской армии, о проводившихся японцами в Харбине в 1934–1940 годах экспериментах с отравляющими газами над китайцами [21, с. 207].

В 1946 году на Токийском процессе советский прокурор ставил вопрос о необходимости расследования деятельности отряда № 731. Но здесь вмешалась политика, и на запрос, сделанный американцам, был получен ответ, что США ничего якобы не знают. Тогда в СССР не было чётких доказательств, а лишь отдельные показания военнопленных [17, с. 21].

Как видим, представление о существовании преступлений было пока ещё весьма приблизительным, что покажет дальнейшее развитие событий. Допрос в начале августа 1946 года генерал-лейтенанта Кадзицуки Рюдзи в качестве свидетеля ничего не дал. Однако активный поиск лиц, причастных к разработке бактериологического оружия, продолжался. Вскоре был выявлен и 11 августа 1946 года допрошен в качестве свидетеля генерал-майор Кавасима Киоси, бывший с 1941 по март 1943 года начальником производственного отдела отряда № 731. Он дал весьма ценные показания о чудовищных опытах над людьми, «в результате которых они умирали или становились калеками» [21, с. 207].

В 1946 году сотрудники УПВИ УМВД в лагере № 14 (г. Владивосток) нашли военнопленного майора Карасаву Томио, занимавшего с 1939 по 1944 год должность начальника секции производственного отдела. Он был этапирован в Хабаровск и дал необходимые показания о садистской работе и роли Исии Сиро в этом деле [11, с. 56].

В 1948 году договорно-правовое управление МИДа подготовило заключение, подписанное С. А. Голунским, о том, что «...дело японских военных преступников, участвовавших в подготовке бактериологической войны, еще находится в начальной стадии предварительного следствия» [22, с. 139].

И всё же в СССР расследование не прекращалось, в лагерях продолжалась активная оперативно-следственная работа.

Когда к началу 1948 года стало окончательно ясно, что на Международном военном трибунале в Токио осудить лиц, причастных к разработке бактериологического оружия, не удастся, тогда возникла идея проведения самостоятельного процесса в Советском Союзе. С инициативой проведения суда в СССР выступил министр внутренних дел С. Н. Круглов, направивший 19 февраля 1948 года в МИД соответствующее письмо.

В течение 1948 года шла активная переписка МВД с МИД СССР о сроках проведения открытого судебного процесса.

В конце июля 1949 года С. Н. Круглов обратился с очередным запросом к А. Я. Вышинскому. Наконец, 5 сентября 1949 года А. Я. Вышинский направляет письмо В. М. Молотову, в котором сообщает, что, поскольку, по его данным, репатриация японских военнопленных должна закончиться в том же году, он считает, «что вопрос об организации указанного... процесса следовало решить теперь же» [22, с. 140].

Здесь мы подошли к вопросу, почему судебный процесс должен был состояться до конца 1949 года? Некоторые исследователи утверждают, что это связано с тем, что в 1950 году в СССР вводилась смертная казнь. Однако я полагаю, что срок проведения процесса напрямую связан с окончанием репатриации военнопленных, находящихся в СССР. Вот о чём говорят документы тех лет.

4 января 1949 года было опубликовано сообщение ТАСС с обещанием завершить репатриацию в течение 1949 года.

10 июня 1949 года Совет Министров СССР принял постановление № 2326-905С о репатриации в Японию в июне – ноябре 95 461 японского военнопленного. До 1 ноября органам репатриации было передано 89 213 человек. О возможности репатриации остальных МВД СССР, в соответствии с решением Совета Министров СССР № 5938-1924СС от 2 ноября, должно было представить в правительство свои предложения. МВД сочло возможным репатриировать ещё 1664 японских военнопленных, а 971 человека, совершившего преступления на территории Китая, передать правительству КНР. В СССР было предложено оставить 4573 японских военнопленных, в том числе 1690 уже осуждённых [5, с. 60].

СССР обязался завершить репатриацию военнопленных к концу 1949 года, оставить можно было только осуждённых. В официальной переписке относительно срока проведения процесса речь идёт о завершении репатриации к концу 1949 года и ни слова о вводимой в СССР смертной казни.

Таким образом, на основании содержания переписки о сроках проведения процесса над бывшими японскими военными служащими можно сделать вывод о том, что срок проведения трибунала до конца 1949 года был обуслов-

лен принятыми СССР международными обязательствами, которые СССР всегда неукоснительно выполнял. Следует заметить, что в 1949 году в Советском Союзе готовились торжественно встретить 70-летие со дня рождения И. В. Сталина. Поэтому не удивительно, что начало процесса совпало с торжествами по поводу юбилея вождя.

14 октября 1949 года выходит распоряжение министра внутренних дел СССР о проведении судебного процесса над группой японских военных преступников в Хабаровске. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР в г. Хабаровске должен быть проведён открытый судебный процесс. Проведение процесса возложено на МВД СССР, Министерство юстиции СССР и Прокуратуру СССР. Предлагалось направить в Хабаровск для подготовки и проведения процесса группу сотрудников МВД СССР в составе подполковника Карлина (руководитель), подполковника Клыкова, майора Царёва² и капитана Подпаловой³. Возложить ответственность за организацию подготовки и проведения процесса также и на начальника УМВД по Хабаровскому краю генерал-майора В. С. Царёва [19, с. 336].

Следственные мероприятия необходимо было ускорить — до окончания репатриации японских военнопленных оставалось два полных месяца. К работе были подключены оперативные работники и переводчики японского языка лагерей МВД для японских военнопленных: заместитель начальника УПВИ Управления МВД по Хабаровскому краю по оперативной работе майор Покровский, заместитель начальника спецобъекта № 45 г. Хабаровска старший лейтенант Б. Ф. Аснис, заместитель начальника управления лагеря № 16 по оперативной работе капитан Петерс, заместитель начальника лагеря № 16 подполковник Юдин, лейтенант Пукемов [25, л. 249], следователь оперативного отдела этого лагеря старший лейтенант С. Г. Тувышев [31, л. 44], заместитель начальника по оперативной работе лагеря № 19 П. И. Попов [25, л. 250], харбинские переводчики Ф. Н. Сторожков [27, л. 3], Г. Г. Пермяков [30, л. 29], Г. И. Турчков [27, л. 117], Г. Разноревич [27, л. 86], Б. К. Огородников [27, л. 99], Л. А. Иванова [27, л. 161–169], С. В. Неверов [28], П. П. Пляченко [29, л. 60], Медведева [29, л. 76], В. Н. Щебеньков [30, л. 108], Ю. И. Воропинов [30, л. 138], Н. М. Санжаровский [30, л. 185], В. М. Ким [32, л. 40], Б. С. Игнатик [32, л. 68], Ю. М. Кодрашев [31], В. Н. Кодратьев [32, л. 114], Б. А. Кассак [33, л. 16], Е. В. Цвилов [33, л. 70].

Наконец глубокое изучение всех документов, которыми располагало следствие, в том числе личные записи и переписка, изъятые при пленении и арестах обвиняемых,

позволили поставить вопрос в том числе и перед генералом Ямадой: с какой целью он неоднократно посещал места дислокации отрядов № 731 и № 100, а также их филиалов? Что это было? Прогулка или инспектирование этих специальных, строго засекреченных служб, подчинённых лично главнокомандующему Квантунской армии? После такой постановки вопроса и предъявления ему личной записной книжки командующий резко изменился в лице, долго размышлял, а затем попросил бумагу и стал писать всё, что ему было известно по существу дела [17, с. 22].

Из показаний Ямады видно, что японским генеральным штабом были утверждены три основных метода применения бактерий в целях войны: распыление бактерий с боевых самолётов, сбрасывание с самолёта специальных бактериологических бомб и наземное заражение населённых пунктов, водоёмов, пастбищ и т. д. по методу бактериологических диверсий [8, с. 57]. Это был, наверное, самый тяжёлый момент в жизни генерала Ямады: он прекрасно понимал, какую ответственность ему придётся нести не только перед советским правосудием, но и перед мировым сообществом, в том числе и своим народом [17, с. 22].

На характер следствия оказывали влияния особенности национального характера японского человека. Чертами национального характера (базового японца) следует считать этноцентризм, приверженность принципам самурайской верности сюзерену и клановой (семейно-патриархальной) морали, а также традициям, склонность к заимствованиям, преданность авторитету, чувство долга, прагматизм, трудолюбие, организованность, готовность к безоговорочному подчинению (дисциплина и самоконтроль), настойчивость, выдержку, нетребовательность в отношении жизненных условий, умение наслаждаться природой. Этноцентризм нашёл своё конкретное выражение в идеях японизма и тэнноизма, предполагающих превосходство японцев над другими народами [7, с. 195].

Общаясь по оперативно-следственным проблемам в ходе подготовки Хабаровского процесса со многими японскими военнопленными, капитан П. В. Никитин сохранил в памяти встречи с главнокомандующим Квантунской армии генералом Ямадой Отодзо, начальником штаба этой армии генералом Хатой Хикосабуро, командующим третьим фронтом генералом Усироку Дзюн — все они, как и многие другие военнопленные, конечно же, умом и сердцем до мозга костей защитники японского милитаристского режима. Это естественно, потому что их воспитание как кадровых военных проходило в завоевательном духе и настрое, как представителей японской нации. Их претензии на особое положение во многом схожи с фашистским нацистским духом. В личном плане они высокомерны, необщительны, малоконтактны даже при официальных, сугубо деловых

² Царёв Н. С. — начальник 3-го отделения 2-го отдела ОУ ГУПВИ МВД СССР [6, с. 234].

³ Подпалова Галина Ивановна — старший переводчик МВД СССР, кандидат исторических наук [14, с. 156].

разговорах. В общении между собой у них поддерживалась какая-то отчуждённость, видимо, как результат разного понимания причин проигрыша военных походов [17, с. 45].

Поэтому подследственные — бывшие японские военнослужащие, связанные чертами национального характера и понятиями дисциплины, во время следствия уклонялись от дачи показаний о разработке бактериологического оружия и проведении опытов над живыми людьми до того момента, пока не заговорил бывший командующий Квантунской армией.

Как отмечал П. В. Никитин, собственноручные показания Ямады Отодзо, а затем и развёрнутые его показания, оформленные протоколом допроса с соблюдением всех процессуальных норм, стали отправной точкой для остальных подследственных — бывших военнослужащих японской армии [17, с. 22].

Сильным фактором объективного исследования показаний обвиняемых, оказавшимся в руках следователей, как и на самом судебном разбирательстве, было заключение судебно-медицинской экспертизы по вопросам, определённым военным трибуналом для суда, и по уголовному делу бывших военнослужащих японской армии и других обвиняемых в подготовке, производстве и применении бактериологического оружия.

Для участия в работе медицинской экспертизы были привлечены высококвалифицированные и очень опытные специалисты-практики различных профилей медицинских наук [17, с. 23]. Медицинско-экспертная комиссия работала с материалами, полученными следователями на предва-

рительном следствии. Сложность заключалась в том, что подсудимые долго утверждали, что они готовили вакцины для людей и животных, не хотели называть объём изготовленных микробных взвесей. Из допросов поначалу не удавалось установить суточное количество выращиваемых микробных взвесей, но из захваченных документов можно было выяснить ёмкость автоклавов и количество заготавливаемого в них питательного агара [8, с. 65]. Вначале работу медицинско-экспертной комиссии возглавил В. Д. Краснов, а затем приехавший из Москвы Н. Н. Жуков-Верещников.

Экспериментальным путём было доказано, что суточное количество выращиваемых микробных взвесей и масштаб деятельности значительно превосходят обычную потребность для противозидемического обследования.

После предъявления документов следствие пошло в должном направлении, конкретизируя каждый эпизод, перепроверяя каждого подследственного по делу, в том числе и через проведение очных ставок.

Следственное производство было закончено в установленные сроки, без каких-либо претензий со стороны подследственных и их адвокатов, с учётом полного выполнения следственно-процессуальных норм.

Хабаровский процесс проходил с 25 по 30 декабря 1949 года в здании Дома офицеров Советской армии. Подследственные в своих заключительных выступлениях подтвердили все свои показания, данные на предварительном следствии [17, с. 23].

Список использованных источников

1. Асташкин, Д. Советский Нюрнберг / Д. Асташкин // Родина. — 2015. — № 12. — С. 98–101.
2. Багинов, А. В. Операция по захвату японских оперативных архивов в Маньчжурии / А. В. Багинов // На защите Отечества : из истории Управления ФСБ РФ : воспоминания сотрудников органов госбезопасности Хабар. края в очерках, док., рассказах, стихах и фот. — Хабаровск, 2001. — С. 111–114.
3. Барышев, В. Хабаровский судебный процесс над японскими военными преступниками (к 60-летию события) / В. Барышев // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2009. — № 3. — С. 3–8.
4. Бендик, Н. Н. Служебная командировка дальневосточных архивистов в Северную Маньчжурию в октябре–декабре 1945 г. / Н. Н. Бендик // Четвёртые Гродековские чтения : Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России : материалы регион. науч.-практ. конф. — Хабаровск, 2004. — Ч. 2. — С. 19–24.
5. Бондаренко, Е. Ю. Военнопленные... : (Формирование и деятельность управления по делам военнопленных и интернированных НКВД — МВД СССР на Дальнем Востоке России. 30-е — 50-е годы XX в.) / Е. Ю. Бондаренко // Россия и АТР. — 2003. — № 4. — С. 52–61.
6. Великая Отечественная. [Т.] 7 (2) : [Советско-японская война 1945 года : история военно-политического противостояния двух держав в 30-е — 40-е годы : док. и материалы : в 2 т.] / [М-во обороны Рос. Федерации, Ин-т воен. истории, Центр. арх., Генер. штаб Вооруж. Сил Рос. Федерации, Ист.-арх. и воен.-мемор. центр ; под общ. ред. В. А. Золотарёва ; авт.-сост.: В. Н. Вартанов (рук.) и др.]. — Москва : Терра, 2000. — 437, [2] с., [16] л. ил. : ил., табл. — (Русский архив ; 18).
7. Горбенко, П. Л. Изменения в японском национальном характере во второй половине XX века / П. Л. Горбенко // Россия и АТР. — 2011. — № 2. — С. 95–203.
8. Иванов, Н. А. Оружие вне закона. Кто готовит бактериологическую войну / Н. А. Иванов, В. В. Богач. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1989. — 144 с.
9. Из архива Президента Российской Федерации // Родина. — 2010. — № 9. — С. 74–79.
10. Краснознамённый Дальневосточный... : воен.-ист. очерк о Дальневост. воен. окр. — 4-е изд., испр. и доп. — Хабаровск : Хехцир, 2003. — 397, [2] с. : ил.
11. Лавренцов, А. П. Записки краеведа : [авт. — ветеран Упр. Федер. службы безопасности по Хабар. краю о Хабар. процессе 1949 г. ; фот. и рис. представлены Хабар. краев. музеем им. Н. И. Гродекова] / А. П. Лавренцов ; рис. В. Павчинского // Преподавание истории в школе. — 2022. — № 3. — С. 48–60 : рис., фот. — Библиогр.: с. 60.
12. Ли, В. Несправедливость / В. Ли // Дал. Восток. — 1994. — № 7. — С. 129–140.
13. Ли, В. Сны о России / В. Ли // Простор. — Алма-Ата, 1994. — № 8. — С. 218–220.
14. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и приме-

- нении бактериологического оружия. — Москва : Политиздат, 1950. — 538 с.
15. Моримура Сэйити. Кухня дьявола / Моримура Сэйити ; (пер. с яп. С. В. Неверова ; предисл. М. В. Демченко). — Москва : Прогресс, 1983. — 272 с.
16. Непорада, С. Открытые страницы закрытой работы / С. Непорада, А. Пустовалов // Ориентир. — 2009. — № 5. — С. 69–72.
17. Никитин, П. В. Этапы большого пути / П. В. Никитин. — Хабаровск, 2002. — 96 с.
18. Органы государственной безопасности СССР во Второй мировой войне. Победа над Японией : сб. док. / [редкол. : О. Б. Мозохин (пред.) и др.]. — Москва : Кучково поле : Связь Эпох, 2020. — 821, [1] с.
19. Плискина, В. Н. Русские переводчики из Харбина и Хабаровский процесс / В. Н. Плискина // Дальний Восток России : от прошлого к будущему : Шестые Архивные научные чтения имени В. И. Чернышёвой : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию со дня образования Приамур. генерал-губернаторства, 20 нояб. 2019 г. — Хабаровск, 2020. — С. 332–351. — Библиогр.: с. 350–351.
20. Рогаль, Н. Чумные бациллы империализма / Н. Рогаль // Тихоокеан. звезда. — 1949. — 22 дек. — С. 4.
21. Романова, В. В. Из истории подготовки в Хабаровске судебного процесса над японскими военными преступниками-бактериологами / В. В. Романова // Гродековские чтения (8) : материалы конф. — Хабаровск, 2015. — Т. 2. — С. 205–211. — Библиогр.: с. 211 (13 назв.).
22. Романова, В. В. Хабаровский судебный процесс 1949 г. : как это было / В. В. Романова // Соц. и гуманитар. науки Дал. Востока. — 2015. — № 4. — С. 135–142.
23. Сергеев, Р. Конфликт с Японией грозил СССР открытием второго фронта / Р. Сергеев // Комсом. правда. — 2015. — 5 мая. — С. 11.
24. Смерш : ист. очерки и арх. документы / В. С. Христофоров [и др.] ; Федер. служба безопасности Рос. Федерации ; редкол. : А. Г. Безверхний (гл. ред.) [и др.] ; худож. Е. В. Никитин. — Москва : Главрив Москвы : Моск. учеб. и картолитогрфия, 2003. — 337, [2] с. : ил., портр., факс., цв. ил.
25. Стенограмма краевого совещания руководящего состава Управления МВД Х/К его подчинённых 14 сентября 1948 г. // Государственный архив Хабаровского края. Ф. 35п. Оп. 23. Д. 204.
26. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 451п. Оп. 20. Д. 51. Л. 336.
27. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 52. Л. 3, 86, 99, 117, 161–169.
28. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 53. Л. 104.
29. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 55. Л. 44, 60, 76.
30. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 57. Л. 29, 108, 138, 185.
31. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 59. Л. 44.
32. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 63. Л. 40, 68, 78, 114.
33. Токийский и Хабаровский процесс (1946–1949) // РГВА. Ф. 451п. Оп. 20. Д. 67. Л. 16, 70.
34. Чкнаверова, А. А. К истории русско-японских отношений / А. А. Чкнаверова. — Москва : Компания Спутник+, 2000. — 183 с.
35. Чугров, С. Оборотни в белых халатах / С. Чугров // Азия и Африка сегодня. — 1983. — № 6. — С. 41–46.
36. Языкин, Я. Следствие ещё не завершено / Я. Языкин // Молодой дальневосточник. — 1985. — № 9. — С. 130–139.

Материал поступил в редакцию 18.09.2023.

Сведения об авторе: Плискина Валентина Николаевна, член клуба «Краевед» (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: valentinapliiskina@mail.ru; тел. 8-914-156-65-02.